

ВАДИМ ФЕДОРОВ

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ МИР

**СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ**

18+

Вадим Федоров

Параллельный мир

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68859660

SelfPub; 2023

Аннотация

Повести о любви. Повести о наркотиках. Повести о безумствах, которые мы совершаем. Повести о том, как причудлива и коротка наша жизнь. Трилогия: «Наркота», «Бомба для Парижа», «Параллельный мир».

Содержание

Наркота	4
1	4
2	21
3	32
4	38
5	44
6	52
7	59
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Вадим Федоров

Параллельный мир

Наркота

1

Проснулся я рано. В полшестого. В воскресенье. В обычные дни утром вставать не хочется. Лежал бы да лежал. А как выходной, так по закону подлости вскочишь ни свет ни заря и маешься. Вроде и спать уже неохота, и вставать рано.

Я повалялся минут пять, потом неохотно сполз с кровати и отправился в санузел. По пути по привычке глянул на свой мобильный. словно от моего взгляда мобильный вздрогнул и выдал смс: «Готов вернуть долг. Прямо сейчас. Михал».

Я отстучал ответ: «Буду через час. Никуда не уходи». И нырнул в ванную комнату. Где привёл себя в порядок после сна.

Михал был моим квартирантом. Мне принадлежала небольшая уютная квартирка в самом центре Праги, которую я сдавал. Главным достоинством квартиры, кроме расположения, была шикарная терраса, с которой открывался не менее шикарный вид на соседские крыши и кусочек Му-

зея.

Михал жил там почти два года. Первое время он платил вовремя, как часы. Но потом как-то платежи стали задерживаться. А в последнее время и совсем прекратились. Я звонил несколько раз, выслушивал очередное «завтра», ругался и предупреждал, что больше терпеть не буду неоплаты. А на днях послал заказным письмом предупреждение о том, что собираюсь расторгнуть договор аренды за неуплату.

И тут вдруг эта смс. Правда, в весьма необычный час. Но и сам Михал был человеком странным. Жил на широкую ногу. Хорошо одевался. Питался в ресторанах. Но собственного жилья и автомобиля не имел.

Ему было 23 или 24 года. Высокий, метр девяносто. Красивый. Льняные волосы слегка курчавились на концах. Атлетически сложенное тело. Которое он периодически подкачивал в ближайшем фитнес-центре.

Я проглотил бутерброд, запил его соком. Надел светлые льняные брюки, синие замшевые туфли и синюю лёгкую рубашку без рукавов. Подумал и добавил в гардероб лёгкий джемпер.

Посмотрелся на себя в зеркало. Хорош. Определённо хорош. Правда, животик немного выпирает. Но в 45 это нормальное явление. В общем и целом, как говорил Карлсон, мужчина в полном расцвете сил.

Я вышел из дома, спустился к трамвайной остановке. Люблю я пражские трамваи. Обожаю. Особенно мой люби-

мый номер 9.

Именно в него я и сел. Вагон был почти пустой. Мало кто ездит в воскресенье в такую рань.

Трамвайчик был ещё старого образца. Красного цвета, с широким проходом посередине вагона. Он дребезжал на перекрёстках и раскачивался на прямых участках дороги.

Я доехал до Вацлавки. Выпрыгнул на остановке. Поднялся вверх на пару кварталов. Площадь была ещё сонной. Кое-где гуляли китайские туристы, вставшие рано из-за разницы во времени. У памятника исступлённо целовалась какая-то парочка.

Я свернул на улицу Ве Смечках. Прошёл мимо нескольких ночных клубов, затихших и усталых. Под ногами путался уличный мусор. Обёртки из-под шоколадок, какие-то билеты, обрывки газет.

Подошёл к нужному мне дому. Остановился перед ним. Достал из кармана ключи. Домофон тут был давно неисправен.

И в этот момент что-то большое и белое с гулким звуком упало прямо на мостовую, в трёх метрах от меня. Обдав ветром и какими-то брызгами.

Это был Михал. Почти голый, в одних трусах. Он лежал на асфальте на животе, ноги и руки неестественно вывернуты. Лицо повернуто ко мне. Из разбитой головы текла кровь. Глаза были открыты, но ничего не выражали, покрываясь мёртвой пеленой.

Всё это произошло в одно мгновение. Я остолбенел. Перевёл взгляд на свои брюки. Они и туфли были забрызганы кровью Михала. Утренний бутерброд стремительно начал карабкаться по моему пищеводу вверх.

Я отвёл глаза в сторону. Глубоко вздохнул. Достал телефон из кармана. В этот момент сзади меня закричала женщина. Я подпрыгнул от неожиданности, чуть не выронив телефон.

– Звоните в полицию, – крикнул я, повернувшись к кричавшей. Ею оказалась туристка азиатской наружности. То ли китаянка, то ли кореянка.

Суда по всему, она не поняла меня. Начала пятиться, развернулась и умчалась в сторону Вацлавака, всхлипывая на бегу.

Я дрожащим руками достал телефон из футляра, нашёл нужный номер в телефонной книге. Нажал на вызов. На распростёртое передо мной тело я старался не смотреть.

Трубку сняли сразу же, после первого же гудка, как будто ждали.

– Гонза, привет, – сказал я.

– Доброе утро, – ответил хриплый голос, – что-то случилось?

– У меня квартирант погиб, – выдохнул я в трубку, – на мостовую прыгнул.

– Давно? – заинтересованно спросила трубка.

– Около минуты назад, – ответил я.

– Это которая квартира, Ве Смечках? – уточнила трубка.

– Она самая, – подтвердил я.

– Через пару минут буду, – ответила трубка, – ты 156 позвони. Сообщи официально.

– Хорошо, – выдохнул я.

Набрал 156. Сообщил о происшедшем, стараясь не смотреть на лежащее передо мной тело. Из-под головы Михала текла кровь, постепенно подбираясь к моим ногам.

В конце улицы появился пешеход. Он подошёл поближе. Увидел лежащее тело и меня, стоящего перед ним. Попятился, развернулся и ушёл. А я остался стоять. Потихоньку отступая от разливающейся лужи крови.

Подъехала машина. Из неё выскочил Гонза и несколько человек в форме. Гонза был в гражданском, тёмный пиджак, зелёная рубашка, джинсы и белые кроссовки. Одевался он ужасно.

Гонза был моим приятелем. Работал он в городской полиции детективом. Звание имел подпоручика. У него была жена и двое маленьких детей. Жил он в Праге 3. Я в своё время помог ему найти его нынешнюю квартиру. С тех пор мы и приятельствовали. Ходили на хоккей, иногда на пиво. Гонза любил рассказывать свои истории про чешскую полицию. Я подозревал, что большинство этих историй выдуманы. Но слушать его было интересно.

И вот мы незапланированно встретились с Гонзой в это светлое весеннее воскресенье. Совпало так, что он был на

дежурстве на соседней улице, Краковской.

– Ты как? – спросил меня Гонза.

– Хреново, – ответил я, – только подошёл, а он сверху и свалился. Молча. И судя по всему, сразу умер. Штаны вот мне и туфли кровью запачкал.

– Постираешь, – ответил Гонза, – или в химчистку отдашь. А он да, судя по всему, при падении шею себе сломал. Вон позвонки торчат.

Бутерброд вострепнулся в желудке. Но я опять справился с тошнотой.

– Не буду я ничего стирать, – заявил я, – выкину всё. Не смогу носить.

– А ты что в такую рань тут оказался? – задумчиво спросил Гонза, отведя меня в сторону от трупа.

Кто-то из полицейских накрыл Михала полиэтиленовой плёнкой. Другой разматывал жёлтую ленту, огораживая тело.

– Михал смс прислал, долг по квартплате хотел отдать, – мотнул я головой в сторону тела, – ну я и поехал. Деньги ведь в любое время суток хорошо получать. Приехал вот, получил квартплату.

Гонза задумался.

– Ключи от квартиры есть запасные? – спросил он.

– Конечно есть, – ответил я, – с собой взял. На всякий случай. По привычке.

– Я со свидетелем в квартиру поднимусь, – крикнул Гонза

коллегам и мне: – Пошли, рантье, покажешь откуда народ любит по утрам на мостовую сигать.

Я достал ключи. Открыл дверь в подъезд. Мы зашли внутрь. На тесном и старом лифте поднялись на 4 этаж. Вышли.

Три двери. Ближайшая к лифту – наша. Я достал ключ и открыл дверь. Гонза отщёп меня плечом и шагнул в тёмную прихожую. А оттуда уже в комнату. Я зашёл вслед за ним.

Слева от двери была небольшая кухня. Справа разложенный диван. В глубине комнаты стояла двуспальная кровать и шкаф. Дверь на террасу была закрыта.

Мы с Гонзой прошли на середину комнаты. И тут я увидел, что на кровати кто-то лежит. Девушка. Рыжие волосы раскиданы по подушке. Ночная рубашка с медвежатами прикрыта одеялом. Лицо нельзя было разглядеть, так как она лежала на животе, зарывшись этим самым лицом в подушку. Спала.

Гонза повернулся ко мне. Жестами спросил: кто это? Я недоумённо пожал плечами: не знаю.

Потянуло сквозняком. Дверь на террасу медленно открылась. Гонза подошёл к ней, выглянул наружу. На террасе стоял стол, два стула и громадная ваза с фикусом. В углу террасы уютно разместилась качающаяся скамейка. На скамейке лежала одежда Михала.

На столе стояли три чайные чашки, сахарница. И лист газеты. На котором был рассыпан какой-то белый порошок.

Гонза тихо присвистнул.

– Ничего тут не трогать, – сказал он мне и аккуратно прикрыл дверь на террасу.

Я подошёл к кровати. Сел на неё. Осторожно потряс девушку за плечо.

– Я сплю, – раздался сонный голос, – не буди меня хотя бы в воскресенье.

– Придётся проснуться, – сказал громко Гонза.

Девушка дёрнулась. Перекатилась на спину. Села на кровати, кутаясь в одеяло. Гонза достал из кармана удостоверение, раскрыл его. Показал.

– Чешская полиция, – сказал он, – вы кто? И что делаете в этой квартире?

– Отвернитесь, я оденусь, – просительно сказала девушка.

Я встал с кровати. Подошёл к Гонзе. Мы отвернулись. Одновременно, как по команде. Я смотрел на кухонные шкафы.

Прозрачный плинтус между столешницей и фартуком отклеился и горбатился вдоль стены.

«Надо новый купить и приклеить, – подумал я. – И что за ерунда происходит. Купишь новую мебель, сделаешь ремонт. Года не проходит, как всё разваливаться начинает...»

– А где Михал? – раздался сзади нас голос.

Мы с Гонзой повернулись. Опять таки одновременно. Перед нами стояла худенькая девушка в ситцевом красном платье. Рыжие, даже не рыжие, а огненные волосы она связала сзади резинкой. Обычное милое личико с ямочками. И зе-

лёные-зелёные глаза. С изумрудным оттенком. Я такие глаза видел первый раз в жизни.

– Где Михал? – повторила девушка.

– Вы кто и кем приходитесь Михалу? – повторил свой вопрос Гонза. – Что вы тут делаете?

– Я его сестра, – ответила девушка, – Злата Мелихова. А где Михал?

– Документы есть? – словно не слыша её вопроса, продолжил Гонза.

Девушка взяла сумочку, висевшую на спинке стула, открыла её, протянула Гонзе удостоверение личности.

– Где Михал? – повторила она.

– Он погиб, – ляпнул я.

Девушка вздрогнула, посмотрела на меня и медленно села на кровать. Закрыла лицо руками. Гонза протянул ей обратно удостоверение. Неодобрительно посмотрел на меня.

В дверь постучали.

– Нам придётся всем выйти, – сказал Гонза.

– Я не умылась, – всё так же закрывая лицо руками, глухо сказала девушка, – и мне зубы надо почистить.

– Всё потом, – Гонза открыл дверь, и мою квартиру заполнили деловитые люди с чемоданчиками, – пошли.

Я взял девушку за локоть, прихватил её сумочку и вывел из комнаты. В коридоре сунул ей в руку жвачку. Девушка благодарно кивнула.

– Мне вещи свои можно забрать? – кивнула она на поли-

этиленовый пакет, стоящий в коридоре.

– Можно, – разрешил Гонза.

Мы вышли из дома. Злата мельком взглянула на прикрытый плёнкой труп Михала и сразу же закрыла лицо руками. Жест, полный отчаяния.

Мы с ней в сопровождении Гонзы дошли до параллельной улицы, где располагалось отделение полиции. Там я и провёл время до обеда. Рассказывая про квартиру, про квартиранта, про смску.

Вышел из участка и столкнулся с Гонзой. Он стоял и курил сигарету. Щурясь на солнце и блаженно улыбаясь.

Мне же было не до улыбок. Хотелось есть. Даже не есть, а жрать. Неважно чего. Организм требовал еды.

– Пойдём, пообедаем, – предложил я приятелю.

– Да я на дежурстве, – сделав затяжку, сказал Гонза, – отпрашиваться надо.

– Отпросись, если надо, – обходя Гонзу с подветренной стороны, попросил я, – у меня неконтролируемый приступ голода на нервной почве. Поэтому поспеши. Или я совершу преступление. И оно будет на твоей совести.

Гонза вздохнул, затушил сигарету, сунул окурочек в пепельницу и скрылся в здании. Через минуту он вернулся.

– У меня полчаса, – сказал он деловито, – я сам жрать хочу. Ты угощаешь.

Я хмыкнул, и мы быстрым шагом припустили в сторону Вацлавака. Вышли к коню, спустились вниз. Гонза хотел бы-

ло нырнуть в КФС, но я остановил его и затащил в находящийся чуть ниже на площади Пауль. На минуту заскочил в туалет. Замыл кровь на туфлях и брюках.

Заказали по тыквенному супу, круассанов, кофе и воды. Сели, поели. Суп приятным теплом разлился по желудку.

– Когда мне ключи от квартиры вернут? – спросил я приятеля. – И что с его вещами делать?

– Я тебе позвоню, – сказал Гонза, обмакивая круассан в кофе, – там сейчас люди работают. Первая версия – самоубийство на почве наркотического опьянения.

– Да уж, – протянул я, – лучше бы он мне сначала долг отдал, а потом уже прыгал.

Гонза хмыкнул.

– Так денег в квартире найдено сто крон, – сказал он, – на подоконнике валялись. И всё. Больше ничего. Не считая примерно двух грамм кокаина на столике на террасе. Кстати, по деньгам это примерно десять тысяч. Он тебе сколько должен?

– Чуть больше 60 тысяч крон, – растерянно сказал я, – за пять месяцев. И через неделю очередной срок по оплате подходил. Зачем он мне тогда смс слал?

– Не было денег у него, – допивая кофе, сказал Гонза, – документы и личные вещи на месте. А денег столярник. И кокаин. Кстати, это наркотик для богатых. Простому охраннику в ночном клубе он не по карману.

– Михал охранником работал? – спросил я.

– Да, в клубе напротив, – кивнул Гонза, – а ты чего его сразу не выгнал, когда он платить перестал?

– Да не до него было, – махнул я рукой, – ты же знаешь, у меня развод был, потом в Россию по делам ездил. Завертелся, закрутился.

– Как там в России? – заинтересовался Гонза.

– Как обычно, – усмехнулся я, – водка и медведи по улицам шастают. На балалайках играют за еду.

– Да ну тебя, – обиделся Гонза, – я серьёзно спрашиваю.

– Нормально всё в России, – ответил я, – живут люди и дальше жить будут. Не хуже чехов. А в чём-то и лучше.

Гонза открыл рот, чт бы что-то ещё спросить. Но в этот момент перед столиком остановилась девушка. Злата. Сестра Михала. В одной руке у неё была сумочка, в другой пакет с одеждой.

– Извините, – сказала она, – у вас не будет немного денег взаймы? Я кушать хочу. А у меня ничего нет. Всё у брата было. Я в залог могу серёжки дать.

И сверкнула своими изумрудными глазами.

Я встал. Подвинул ей стул. Сбегал за ещё одной порцией супа и кофе. Принёс всё это на наш столик. Злата начала есть.

Ела она аккуратно, как птичка. Косясь на меня с Гонзой. Мы же сидели молча и делали вид, что допиваем кофе, вертя в руках пустые кружки.

– Мне на работу пора, – вдруг сказал Гонза.

Он встал, хлопнул меня по плечу и выскользнул на улицу. Мы остались вдвоём с Златой.

Я присмотрелся к ней более внимательно. Личико гладкое, почти без морщин. Лишь мелкие лучики около глаз выдавали её возраст. Под глазами чёрные круги. Потрескавшиеся губы. Было ясно, что ей далеко за 25. Грудь примерно второго размера. Тонкие руки. Тонкие пальчики. И глаза. В сочетании с рыжими волосами они сводили с ума.

– Я не знал, что у Михала есть сестра, – сказал я, – он мне не говорил.

Девушка вытерла губы о салфетку. Достала из сумочки удостоверение, протянула мне. Я на автомате взял его. Глянул. Злата Мелихова. Дата рождения 10 июня 1987 года. Смутился. Вернул кусок пластика Злате обратно.

– Я его старшая сестра, – сказала она и вдруг заплакала, – была.

Слёзы капали в чашку с кофе, над которой склонилась девушка. Плечи её вздрагивали. Но звуков никаких слышно не было. Лишь кап-кап в кофе. И всё.

Я сидел и не знал, что делать. Встал, подошёл сзади. Присел неловко около неё. Обнял.

– Всё будет хорошо, – сказал избитую фразу и сам почувствовал, как она фальшиво прозвучала.

– У меня ни денег, ни одежды, даже зубной пасты с щёткой нет, – всхлипнула Злата, – я приехала к нему. Два дня назад. Он обещал с работой помочь. У нас на Мораве девуш-

ке трудно устроиться куда-либо.

– А откуда ты? – спросил я.

– Город Павлов, – уже спокойнее сказала Злата, – там у нас сериал снимали, про виноделов. Может, смотрел?

– Смотрел, – кивнул я, – хорошее кино. Смешное.

– Я не знаю, что делать, – опять повторила Злата, – наверное, надо позвонить маме. И как-то о похоронах позаботиться. Ещё утром я спала и ни о чём не думала.

Я вздохнул. Можно было развернуться и уйти. Но. Мне нравилась эта девушка. Её глаза. Её растерянность и незащищённость.

– Пойдём, купим тебе зубную щётку, – сказал я, – у меня приведёшь себя в порядок. Позвонишь маме. А завтра займёмся похоронами. Сегодня всё равно ничего не удастся сделать.

Злата кивнула. Поднялась со стула. Взяла с собой сумочку, и мы пошли к остановке трамвая. Девятка довезла нас до Нового Смихова, где мы купили средства личной гигиены и немного продуктов. Доехали до моей квартиры. Вечерело.

Я попытался что-то приготовить, но Злата мягко выставила меня с кухни.

– Я сама всё сделаю, не мешай, – сказала она.

И загремела посудой. А я спрятался в другой комнате. Проверил почту. Сделал несколько звонков. Не люблю я готовить.

Посидел за компьютером. Посчитал точную сумму, сколь-

ко мне остался должен Михал. Не смертельно для меня, но всё равно, деньги не малые. Обидно. Да ещё и не известно, когда полиция разрешит вновь войти в квартиру. Послал Гонзе смс по этому поводу. Получил ответ: несколько дней придётся потерпеть.

И тут Злата позвала ужинать. Она приготовила печёночные котлеты. Было необычайно вкусно. Я последний год питался как придётся. Всё больше по фастфудам и по ресторанам. Дома основным блюдом были пельмени.

– А говорят, что чешки не умеют готовить, – откинувшись на спинку стула, сказал я.

– Я с Моравии, – напомнила мне Злата, и добавила: – Можно я переночую у тебя пару ночей? Мне некуда идти. Я, кроме брата, никого тут не знаю.

– Можно, – разрешил я, – постелю тебе в большой комнате, на диване. Запасное бельё у меня есть. Только я с утра по делам уезжаю. Так что одна хозяйничать будешь.

На том и договорились.

Посидели молча. Я приготовил чай.

– Давно Михал на наркоте сидит? – спросил я.

– Не знаю, – ответила девушка, – я редко его последние два года видела. Но в этот свой приезд он был сам не свой. Какой-то дёрганный. А почему ты про наркотики спросил?

– На террасе нашли кокаин, – сказал я, – на газете был насыпан.

– Я спала, когда он пришёл, – наклонив голову, начала

рассказывать Злата, – сквозь сон слышала, что он с кем-то разговаривал. Он охранником работал в ночном клубе и приходил под утро. А потом ты меня разбудил.

– В каком клубе? – спросил я. – Название у клуба есть?

– Конечно, недалеко от квартиры, – сказала Злата, – Какаду называется. Я там была один раз с Михалом, заходила к нему на работу. Он на фейс контроле стоял. Он много тебе за квартиру остался должен?

– Прилично, – вздохнул я.

– Я отдам за него, – сказала Злата, – обязательно. Но позже.

В этот момент её телефон коротенько звякнул. Как будто сосулька сорвалась. Злата нахмурилась, посмотрела на экран телефона.

– От мамы, – сказала, – я своей тёте сообщила, когда ужин готовила. Чтобы она маме сказала. Я не смогла.

– А отец у вас жив? – спросил я.

– Не знаю, – ответила Злата, – мама развелась с ним, когда Михалу года ещё не было. С тех пор мы даже не знаем, жив он или нет.

– Понятно, – протянул я, – жалко, что с твоим братом так произошло.

Опять помолчали. Допили чай. Я забросил посуду в мойку. Застелил диван. Ушёл к себе в спальню.

День выдался тяжёлым. Я медленно начал проваливаться в сон. Но вдруг скрипнула дверь.

– Мне страшно, – услышал я шёпот Златы.

Я подвинулся к окну, сгребя одеяло на свою сторону. Злата осторожно легла на свою половину. Одеяло она принесла с собой.

– Я глаза закрываю и сразу же Михала вижу, – заплакала девушка, – а он мёртвый. Мне страшно становится.

Я протянул руку. В темноте нащупал её плечо, пододвинул к себе. Злата прижалась к моему плечу, обхватив его руками. Я погладил её рыжие волосы, в полутьме казавшиеся тёмными.

– Спи, – сказал я ей, – спи. Сегодня уже ничего не случится.

И она уснула. А я лежал, таращился в потолок и думал о жизни и смерти. И о Злате. И постепенно тоже провалился в сон.

Проснулся я рано. Открыл глаза, потянулся. И сразу же почувствовал, что рядом кто-то лежит. Повернул голову направо. И сразу всё вспомнил.

На соседней подушке были раскиданы рыжие волосы. Спала Злата, как и в квартире Ве Смечках, на животе. Я залюбовался ею.

Расслабленное лицо. Небольшая морщинка на лбу. Потрескавшиеся губы.

В груди у меня просыпалась нежность к лежащей рядом женщине. Словно почувствовав мой взгляд, Злата заворочалась, её ресницы дрогнули. Глаза медленно открылись.

– С добрым утром, – сказал я.

Злата улыбнулась. Вроде бы рядом была вчерашняя девушка, но что-то было не так.

– У тебя глаза карие, – наконец-то догадался я, – вчера были зелёные.

– Это я линзы сняла, – ответила Злата, – я не могу спать в линзах. Поэтому снимаю их на ночь.

– Это хорошо, что у тебя глаза карие, – сказал я, – а то у нас есть песня «У беды глаза зелёные». Не хочу, чтобы ты была моей бедою.

– Извини, что я к тебе ночью приползла, – покаянно произнесла Злата, – мне и правда было очень страшно. Я на са-

мом деле не такая. Я уже почти полгода ни с кем не спала. А тут сама.

— Ну у нас же ничего не было, — усмехнулся я.

— Не было, — подтвердила Злата, — но ты мне нравишься. С тобой надёжно и спокойно. Как за стеной.

Я потянулся к ней. Но в этот момент зазвонил телефон. Злата увернулась от моих объятий и скрылась в ванной.

Звонила бухгалтер. Началась трудовая неделя.

Мы быстро позавтракали. Я уехал по своим делам. А Злата поехала по своим. На прощание она поцеловала меня в щёчку. Грустно улыбнулась и побежала на трамвайную остановку.

А я смотался к бухгалтеру. Сдал кучу документов для отчёта. Попил с ней чай. А потом поехал на Зличин. Где сдавал двухкомнатную квартиру одной вьетнамской семье.

Семья по-чешски говорила очень плохо и не платила за занимаемую жилплощадь уже второй месяц. Я пытался несколько раз дозвониться. Но трубку брал кто-то вообще не говорящий по-чешски. А последнюю неделю телефон вьетнамцев был вне зоны действия. Поэтому-то я и решил навестить квартирку азиатских иммигрантов. Взяв с собой на всякий случай комплект запасных ключей.

Приехал около обеда. Припарковался перед домом. Долго звонил в домофон. Никто не отозвался. Вот тут-то мне и пригодился запасной комплект чипа от входной двери и ключей от квартиры.

Я, ради приличия, пару минут потрезвонил в дверной звонок. Потом открыл дверь. Вошёл внутрь.

В квартире был бардак. Как будто кто-то в спешке собирал вещи. Везде валялись целлофановые пакеты, обрывки упаковочной бумаги, носки. В ванной на сушилке висел бюстгалтер. В коридоре стояла сумка, набитая обувью.

Я прошёлся по квартире. Слава богу, не было ничего разбито или испорчено. Только грязно. На кухне гора грязной посуды. Хотя есть же посудомойка. Открыл посудомойку. Там стоял пластиковый контейнер. Доверху набитый маленькими полиэтиленовыми мешочками.

В груди неприятно щёлкнуло. Похожий мешочек я видел вчера на террасе в квартире Ве Смечках. Он лежал на столе, возле рассыпанного кокаинового порошка.

Я осторожно закрыл посудомойку. Ещё раз прошёлся по квартире, стараясь ни до чего не дотрагиваться руками.

Из вещей в квартире были только некоторые предметы одежды и сумка с обувью. Ну и посуда. Всё остальное было вывезено. Судя по всему, неделю назад.

Шкафы стояли пустые. Хотя нет. На верхней книжной полке лежала какая-то стопка документов. Я пододвинул стул, достал эту стопку. Оказалось, это дюжина вьетнамских паспортов. Новеньких, хрустящих. На десятерых мужчин и на двух женщин. Ни виз, ни каких-либо отметок.

Я полистал эти паспорта. Хотел уже было положить обратно. Но вдруг сообразил. Они все имели одинаковые номера.

Час от часу не легче.

Я достал телефон и набрал номер Гонзы. В этот раз он снял трубку где-то после восьмого звонка.

– Добрый день, – поприветствовал я своего приятеля.

– Добрый, – ответил Гонза.

– Тут такое дело, – замялся я, – в общем, я сейчас в квартире на Зличине. У меня тут вьетнамская семья её снимала.

– Опять кто-то с балкона сбросился? – спросил Гонза.

– Да не, все живы, – ответил я, и добавил: – Наверное. Просто они съехали и не заплатили.

– Ну, это тебе в суд надо, – зевнул в трубку Гонза, – криминалка такими делами не занимается.

– Да не в оплате дело, – сказал я ему, – просто они оставили пачку паспортов. Судя по всему, фальшивых. И целую кучу маленьких пакетиков для расфасовки. Наверное, наркоту фасовать.

На другом конце провода помолчали.

– Я после дежурства, – наконец-то ответил Гонза, – отдыхаю. Но я пришлю кого-нибудь. Патрульных. Они оформят. Пошли мне адрес.

И повесил трубку.

Я вышел из квартиры, осторожно захлопнув дверь. Встал перед домом и принялся ждать обещанный патруль. Подождал, подождал и вспомнил, что у квартиры есть гаражное место и кладовка.

Поколебавшись немного, я решил осмотреть и эти два

объекта вверенной мне недвижимости.

В цокольном этаже дома находилась парковка. Разделённая белыми линиями и пронумерованная согласно принадлежности к определённой квартире. За каждым местом для парковки располагались небольшие кладовки.

Я вошёл на парковку через ворота. На очерченном белым квадратом ничего не было. Только засохшая грязь от колёс. Зато в кладовке стояли две канистры и две полосатые сумки. Пахло химикатами.

Я сфотографировал это хозяйство на телефон и вышел через те же ворота на улицу. Перед домом стояла машина полиции.

Я рассказал двум молодым полицейским о своих находках. Они вначале посетили кладовку. Затем поднялись в квартиру.

Потом связались по телефону со своим начальством. Рассказали про нехорошую квартиру и про находки в ней.

Через полчаса приехали ещё несколько полицейских. Паспорта изъяли. Канистры и химикаты тоже забрали. На всё оформили документы. Провозились мы с ними до вечера. Хорошо хоть, квартиру не стали опечатывать.

Я позвонил знакомой и договорился на уборку квартиры. Затем съездил в ближайший строительный магазин и купил новые замки. Я ещё не успел закончить их менять, как раздался телефонный звонок. С неизвестного мне номера. Это оказалась Злата.

– Привет, ты куда пропала? – обрадовался я её звонку.

– Да вот делами занималась, – отозвалась она, – целый день по Праге мотаюсь. В полиции два раза была. На кладбище.

В трубке раздалось всхлипывание.

– Не плачь, – попросил я, – не надо. Если нужна моя помощь, только скажи.

– Да я сама пока справляюсь, – отозвалась Злата, – спасибо тебе большое.

– Мы увидимся вечером? – осторожно спросил я.

– Не сегодня, – ответила Злата, – но обязательно увидимся. Вещи мои у тебя остались же. А сегодня я договорилась со школьной подругой. Она меня приютит на ночь. Давай завтра вечером? Я позвоню.

– Хорошо, завтра так завтра, – разочарованно протянул я.

Мы попрощались. Я завернул последние шурупы в дверь, и в этот момент опять раздался телефонный звонок. Это был Гонза.

– Привет, – раздалось в трубке, – на сегодня от тебя вызовов не будет? А то я собрался пива попить.

– Не будет, не будет, – проворчал я, – я не специально. Так получилось. И чего это ты один пиво пить собрался?

– Не один, – засмеялся Гонза, – тебя вот хотел позвать. Но на всякий случай интересуюсь. Вдруг ты ещё что-то у своих квартирантов откопаешь? У тебя ещё много таких неплательщиков-наркоманов?

– Да нет, – сказал я, – всего две квартиры с долгами были. Остальные квартиранты добропорядочные и платящие в срок. Куда подъезжать-то на пиво?

– Потрефена Гуса на Анделе. Час тебе хватит добраться?

– Хватит, – подтвердил я, – через час буду. Жди. У меня тут вопросы к тебе есть.

Я закрыл за собой квартиру. Сел в машину и поехал домой. Где переоделся, сел на свою любимую девяточку и к назначенному сроку был на месте. В Потрефеной Гусе.

Гонза подошёл минут через пять. Заказал пиво и куриных крылышек. Я взял обжаренный сыр и всё то же пиво.

– У тебя много ещё квартирантов-наркоманов? – улыбнулся Гонза, – рантье ты наш. У тебя вообще сколько квартир?

– Около тридцати, – вздохнул я, – но моих там только парочка. Остальные в доверительном управлении. Домоуправя. А неплательщики только эти две квартиры были. В остальных нормальные люди живут. Из окон не выбрасываются и поддельные паспорта дома не держат. Я не виноват, что так сошлось.

– Да уж, горячие деньки у тебя были, – хлопнул меня по плечу Гонза, – вначале кокаин у самоубийцы, потом амфетамин у вьетнамцев.

– Чего у вьетнамцев? – переспросил я.

– «Во все тяжкие» смотрел? Сериал такой, – спросил меня Гонза, – вот там главный герой амфетамин гнал.

Принесли пиво. Мы отхлебнули по первому глотку.

– Один предприимчивый чех несколько месяцев назад откуда-то приволок в республику целый автомобильный прицеп с химией, из которой делают амфетамин. И продал вьетнамцам. Которые теперь успешно из него гонят наркотик. Ты, кстати, на счётчик электрический глянь. Наверняка на электричество попал. Там при производстве амфетамина энергии много надо.

– Да уж, вляпался я с этими вьетнамцами, – почесав затылок, сказал я, – а как они потом эту гадость продают?

– Они не продают, – допивая пиво, сказал Гонза, – торговлей наркотиков в Чехии занимаются албанцы и алжирцы. Вьетнамцы в этом случае просто баловались переработкой.

Принесли еду. Мы заказали ещё пива. Гонза отпустил комплимент молоденькой официантке. Та дежурно улыбнулась и убежала к бару за нашим пивом.

– А в Ве Смечках тоже этот амфивитамин был? – спросил я.

– Сам ты витамин, – рассмеялся Гонза, – не, в твоей квартире кокаин нашли. Но вот странное дело. Кокаина на столике в порошке было процентов 10. Остальное сахарная пудра.

– И что это значит? – спросил я.

– Не знаю, – честно ответил Гонза, – такое впечатление, что разбавляли кокаин пудрой. А это остатки. А вот куда всё делось, неизвестно.

– А Михал от чего умер? – осторожно спросил я.

– Результаты ещё не известны, – ответил Гонза, – но предварительное мнение имеется. Сам прыгнул. Ушибы только от падения. Смертельные. Голову он свернул. Судя по всему, наркотики его сгубили. То ли полетать захотел, то ли после эйфории его накрыло жестоко. Давай помянем твоего квартиранта?

– Давай, – согласился я.

Позвали улыбчивую официантку. Заказали две бехеровки и ещё пива. Выпили.

– И что дальше будет? – спросил я.

– Всё то же самое, – ответил уже захмелевший Гонза, – протоколы, заключения. Писанина. Потом выдадут заключение, что это был несчастный случай или самоубийство. И с амфетамином то же самое. Никто твоих вьетнамцев искать не будет. Тем более они все на одно лицо.

– Вьетнамцы, это ладно, – махнул я рукой, – а что с Михалом-то? Кто ему кокаин принёс? Это же надо искать, расследовать.

– Ты наивный, – рассмеялся Гонза, – для следствия главное определить: сам он с терраски прыгнул или ему помог кто. Соседи снизу слышали, что вроде ругался кто-то ночью. Но кто и чего, неизвестно.

– А где он кокаин взял? Не на Вацлавке же в магазине купил? – спросил я.

– Да какая разница где? – удивился Гонза. – Сейчас наркоту можно купить где угодно. Травой даже тут воняет.

Я принялся. Действительно, откуда-то тянуло дымком марихуаны.

– На работе мог взять, – продолжил свою речь Гонза, – в ночных клубах обычно вся эта дурь и распространяется. Сидит албанский парень за стойкой бара целый вечер. Стоит только мигнуть, как тебе сразу предложат что угодно. Или у тех же негров на Вацлавке спросить. Но у них некачественный товар. Разбавляют много. В клубах тоже разбавляют, но по-божески.

– Если вы всё это знаете, почему ничего не делаете? – спросил я.

Гонза раскатисто рассмеялся.

– Ты всё-таки, Вадим, очень наивный, – он приобнял меня за плечи. – Кто будет что-то делать? Все же куплены. Все с этого что-то да получают. Ты знаешь, сколько имеет патрульный на Вацлавке? От 10 до 20 тысяч крон.

– В месяц? – спросил я.

– В день, – рассмеялся Гонза, – в день он имеет столько. Кроме официальной зарплаты.

– А сколько имеешь ты? – вдруг брякнул я.

Гонза обиделся. Оттолкнул меня. Допил очередную кружку.

– Не важно, сколько я имею, – наконец-то сказал он, – я из этого гадюшника перевожусь скоро. На новое место работы. В интерпол.

– Поздравляю, – проямлил я, досадуя на свой язык.

– Пока рано, – смягчился Гонза, – как переведусь, дам тебе знать. Обмоем.

Больше мы за этот вечер к теме наркотиков и смерти Михала не возвращались. Выпили ещё по одной бехеровке и, довольные проведённым вечером, разъехались по домам.

Утро было хмурым. Похмелье всегда хмурое.

– Не надо было бехеровку в пивом мешать, – в очередной раз сам себе сказал я.

Сказал и поплёлся в ванную. Долго отлёживался в остывающей воде, потом так же долго готовил себе завтрак.

Потом начались звонки, просмотр почты, ответы на мейлы и смски. Потихоньку стал оживать. И к обеду был уже в форме.

После обеда съездил в кадастр недвижимости. Получил нужные мне бумаги и вернулся домой.

Послonyaлся по квартире. Навёл порядок. Подумал и побрился. На всякий случай поменял постельное бельё. Ещё подумал. Вышел купить цветы в ближайший цветочный магазин. Именно там меня и застал звонок от Златы.

– Привет, – выдохнул я в трубку, – ты где?

– Я около твоего дома, – сказала она.

– Бегу уже, – заторопился я, – через 10 минут буду.

Я схватил букет ромашек, сел в машину и поехал домой. Остановился рядом с ним. Не стал загонять автомобиль в гараж. Потому что около дома меня ждала Злата. С прекрасными зелёными глазами.

Я подошёл. Протянул ей букет. Она смутилась.

– Пустишь переночевать? – спросила меня. – А то у ме-

ня опять проблемы с ночёвкой. Или сдай мне одну из своих квартир.

– Свободных нет, – соврал я, – все заняты. Так что придётся тебе ночевать у меня.

Я наклонился к ней. Поцеловал. Злата ответила мне. Голова закружилась.

«Что я делаю? – подумал я. – Она же младше меня на 16 лет. Теоретически она могла бы быть моей дочерью».

Но потом эти мысли ушли. Остались только поцелуи. В лифте, в коридоре, на кухне.

На кухне мы наконец-то отцепились друг от друга. Глаза у Златы сияли.

– Я есть хочу, – сказала она мне, – может, приготовить что-нибудь?

– Не надо ничего готовить, – остановил я её, я пельмени сварю. Это быстро.

– О, я слышала про это русское блюдо, интересно, – сказала Злата и уселась на стул, – и когда готовит мужчина – это сексуально. Очень.

Я не стал с ней спорить, сексуально или нет выгладит варка пельменей. Достал их из морозилки, кинул в кипящую воду и через 10 минут разложил по тарелкам. Добавил сметанки и петрушки. Злате пельмени понравились. Да и я поел с удовольствием. Хотя они мне и надоели порядком за время моей холостяцкой жизни.

За окном начало темнеть. Но темнело как-то очень мед-

ленно. Хотелось выключить солнце и остаться с Златой наедине. Без надоедливых солнечных лучей.

Мы пересели на диван. Поболтали о погоде, о каком-то фильме. Мысли путались. И судя по всему, не только у меня.

Наконец, я решился. Наклонился к девушке, приобнял её за плечи. Злата подалась ко мне, её зелёные глаза сверкнули.

– У беды глаза залёные, – промурлыкала Злата.

– Запомнила, – улыбнулся я ей.

Мы поцеловались. От неё пахло женским теплом, желанием и немного пельменями. Мы целовались и целовались. Постепенно я стянул с неё майку, потом бюстгалтер. Грудь у неё были небольшие, как раз под мою ладонь. Каждый раз, когда я дотрагивался до сосков, она вздрагивала.

Губы её опухли. Рыжие волосы разметались по плечам.

– Я сейчас с ума сойду, – простонала Злата, – у меня полгода не было мужчины.

– У меня тоже давно никого не было, – прошептал я ей в ответ, – я хочу тебя.

Злата отстранилась, поправила причёску, точнее то, что от неё осталось.

– Я в ванную, – сказала, – а потом ты. Постели нам.

И ушла в ванную. Закрылась там, зашумела водой.

Я заметался по квартире. Взбил подушки. Зажёг свечи. Сердце колотилось так, будто я находился на самом первом свидании в своей жизни.

Посидел на кровати, ожидая Злату. Потом достал план-

шет. Зашёл на ютуб. Быстро нашёл альбом Джо Дассена. Из динамика полилась песня «Если б не было тебя».

Я выключил свет. Комнату освещали только две маленькие свечки. Скрипнула дверь. Злата проскользнула мимо меня лёгкой тенью и сразу же зарылась в одеяло.

– Я быстро, я сейчас, – вскочил я и ринулся в ванную.

В ванной пахло мылом, каким-то кремом и женщиной. На полке стояла коробочка с зелёными линзами. На стиральной машинке лежали аккуратно сложенные штанишки и трусики. Я прополоскал рот жидкостью для свежего дыхания. Принял на скорую руку душ. Обтёрся полотенцем. Вышел в темноту спальни.

Злата ждала меня. Прильнула ко мне, вцепилась губами в мои губы. Обхватила мою голову руками. Застонала, когда я вошёл в неё.

Мы не спали почти всю ночь. Целовались, занимались сексом. Измученные, на несколько минут засыпали, чтобы потом опять сплетаться в жарких объятиях. Казалось, что уже всё. Нет ни желания, ни сил. Но стоило коснуться губами щеки Златы, как сон летел прочь, и мы опять ласкали друг друга. Целовались. Разговаривали. Рассказывали о себе, о своём одиночестве, о своих жизнях.

Злата была ненасытна. Казалось, внутри неё работает атомная батарейка. Которая постоянно заряжает Злату. А через неё и меня.

Проснулся я поздно. Прищурился от яркого солнца, про-

бывающегося сквозь светлые занавески. Рядом никого не было. Можно было подумать, что прошедшая ночь мне приснилась. Можно было бы. Но гудящее от усталости тело говорило, что это был не сон.

Я потянулся. Натянул штаны и потопал на кухню. Моя любимая была там. Уже умытая, причёсанная. В лёгких шортах и маечке. На маечке улыбался ёжик.

– Я нашла у тебя в шкафчиках хлопья. Будешь с молоком? – спросила она.

– Буду, – кивнул я, – вот только приведу себя в порядок. Зашёл в ванную, привёл себя в порядок. Вернулся на кухню.

– Я стихотворение сочинил, пока умывался, – смущаясь, сказал я Злате.

– Прочитай, – попросила она.

– Оно на русском, – ответил я.

– Всё равно прочитай, а потом переведи, – улыбнулась мне Злата.

«Я думал, что уже пришла
Моя осенняя усталость.
Но в сердце ты моё вошла
И в нём навек, навек осталась»,

– продекламировал я вначале на русском, а потом на чешском.

Злата молча подошла ко мне, обняла. И сердце моё ухну-

ло куда-то вниз. Я стихи не писал с 18 лет. А уж читать их кому-то никогда не читал.

– Завтра похороны брата, – грустно сказала Злата, – я хочу узнать, почему он погиб и кто его к этому подтолкнул.

– Я приду на похороны, – востропел я, – и я узнаю, почему погиб Михал.

– Не надо приходить, – попросила Злата, – там будут только мама и я. А она никого не хочет видеть. Я сегодня переночую с ней у подруги. А завтра ночью провожу домой. Есть ночной поезд.

– Мы не увидимся целых два дня? – спросил я.

– Мы не увидимся всего два дня, – ответила Злата, – не скучай. Я обязательно приеду к тебе. Ты мне очень нравишься.

Я привлёк к себе Злату, обхватил её талию. И мы долго стояли у окна, глядя на трамвайчики, выезжающие из депо. Небо было хмурое. Собирался дождь. И на душе было беспокойно и тоскливо. Лишь трамваи весело звякали на стыках и на поворотах.

Гонза позвонил на следующий день.

– Зайди за ключами, – сказал мне в трубку, – обыск в твоей квартире ничего не дал. Так что можешь дальше продолжать сдавать её наркоманам.

– Сейчас приеду, обрадовался я.

– Сейчас не надо, – остановил меня Гонза, – давай ближе к обеду. Заодно и перекусим.

– Тогда я угощаю, – предложил я.

– Хорошо, – согласился Гонза.

На том и порешили.

В полдень я уже стоял около дома Ве Смечках. Гонза опоздал на 10 минут. Передал мне ключи. Зашли в подъезд, поднялись в квартиру.

Квартира встретила нас тишиной и пылью. Разобранная постель. Немытая посуда.

– Как продвигается следствие? – задал я дежурную фразу.

– Продвигается, – ответил Гонза, – предварительная версия, что спрыгнул сам. В наркотическом опьянении был твой арендатор.

Мы вышли на террасу. Было жарко. Красные черепичные крыши слепили глаза. Я вспомнил, что пообещал Злате узнать о гибели её брата.

– А где он кокаин брал? – спросил я Гонзу.

– Так он же охранником работал, в Какаду, – Гонза наклонился через ограду террасы и показал рукой, – вон он, с красными окнами. Наверняка сам этой гадостью и приторговывал.

– А в Чехию откуда кокаин попадает? – задал я очередной вопрос Гонзе. – Из Латинской Америки?

Гонза рассмеялся.

– Ты, Вадим, жертва сериалов, – сказал он, – из Южной Америки весь кокаин едет в Северную Америку. Там свой рынок и свои налаженные связи. В Европу эта гадость приезжает в основном из Израиля.

– Откуда? – удивился я.

– Оттуда, – кивнул головой Гонза куда-то в сторону Мустака, – выращивают коку в основном арабы, естественно. Затем через Турцию и Сербию ввозят в Европу. Чехия перевалочный пункт. Основной поток идёт на Германию, Францию и Англию. Страны богатые, могут себе позволить дорогой наркотик.

– И почём эта радость у нас? – спросил я.

– Тебе-то зачем это знать? – прищурился Гонза.

– Чисто в познавательных целях, – ответил я, – ты же знаешь, я травку-то раз в три года курю.

– Знаю, – кивнул Гонза, – только травку тут покупать тоже не рекомендую. Они её в ацетоне вымачивают. Для большей дури. Чистой травы уже не найдёшь. Разве что у приятеля на даче.

– Так почём наркотики для народа в Праге? – напомнил я Гонзе про свой вопрос.

– Кокаин у негров на Вацлавке 2000 крон за грамм, но он грязный, там чистого кокаина всего процентов тридцать, – начал перечислять Гонза, – если чистый непосредственно у дилера, то в два раза дороже, но там всё равно половина добавки. Героин – 500 крон доза. Первитин – 1000 крон грамм.

Я присвистнул.

– Недешёвое удовольствие.

– Очень недешёвое, – кивнул Гонза, – и всем наплевать. Все на этом кормятся.

– Кто именно? – спросил я.

Но Гонза замолчал. Понял, что болтнул лишнего. Нахмурился.

– Слишком много вопросов задаёшь, – сказал он мне, – меньше знаешь, лучше спишь.

– Да ладно тебе, – примирительно сказал я, – вот мы ещё с тобой из-за наркотиков не ругались.

Гонза похлопал меня по плечу. Улыбнулся.

– А ты что такой загадочный? – спросил он, – прям светишься весь. Влюбился, что ли?

Я смутился. Перевесился через перила. По улице шла группа туристов. Прямо по тёмному пятну, где несколько дней назад лежал Михал.

– Не знаю, – ответил я, – может, и влюбился. Даже стихи сочинил.

И я продекламировал Гонзе своё четверостишие. Гонза помолчал. Облокотился на перила рядом со мной.

– Стихи говно, – сказал он наконец, – но твой настрой меня радует. Я её знаю?

– Немного, – уклончиво ответил я, – видел. Ты мне лучше скажи, что у тебя с твоей?

– Да нормально, – махнул рукой Гонза, – ворчит, что дома не бываю. Но уже без скандалов. А я её сразу предупреждал, что я в полиции работаю. А она: не уделяешь мне внимания, дома не ночуешь, завёл кого-то.

Гонза сплюнул. Вниз. И чуть не попал на голову прохожему. Смутился, отпрянул от перил.

– Пан полицейский, что же вы творите? – засмеялся я.

Гонза хотел что-то ответить, но в этот момент раздался звонок в дверь. Это пришла Маша. Уборщица. Симпатичная украинка средних лет. Она постоянно убирала в подведомственных мне квартирах.

Мы с Гонзой спустились вниз. Он пошёл дальше ловить преступников, а я спустился на Вацлавскую площадь.

На углу, возле KFC, стояли два негра. Одетые в одинаковую униформу. Один обычного роста, с лысиной. Второй толстый. С довольно большим пивным животом. Толстый что-то объяснял лысому. В руках они держали листовки с предложением посетить ночной клуб, располагающийся на моей улице.

Я подошёл к ним. Негры перестали разговаривать. Лысый

попытался сунуть мне в руку листовку, но я не взял её.

– Чего тебе? – спросил толстый.

– Мне бы покурить, – сказал я, – есть чего?

Лысый сделал скучающее лицо и отошёл в сторону. Где принялся ловить туристов и всовывать им в руки свои листовки.

– Травка, с Амстера, 300, – сказал толстый.

– Хорошо, – ответил я.

– Деньги давай, – приказал толстый, – и жди.

Я протянул ему 300 крон. Которые толстый негр спрятал к себе в карман и скрылся в ближайшей проходной.

Я стоял посередине Вацлавака и чувствовал себя дураком. Отдал деньги неизвестно кому.

Прошло две минуты. Я уже собрался уйти, как меня кто-то дёрнул за рукав. Я обернулся. Передо мной стоял худенький паренёк. Он протянул мне руку. В ладони у него был зажат маленький пакетик. Я взял его. Паренёк кивнул и растворился в толпе. Я сунул пакетик с травой в карман и пошёл вниз по улице.

Навстречу мне попался толстый. Он лениво стоял возле магазина часов и негромко предлагал проходящим мимо мужчинам развлечься с красивыми девушками.

Я кивнул ему. Но толстый никак не прореагировал. Как будто я ему несколько минут назад и не давал никаких денег.

Я доехал до дома. Позанимался своими делами. И к вечеру вернулся обратно.

Маша постаралась на славу. Квартира блестела, как начищенный чайник. Витал лёгкий дух хлорки и свежевымытой мебели. На террасе также было всё вымыто. Стулья стояли в сторонке, стол посередине.

На улице стемнело. Но свет из комнаты позволял увидеть всё, что было на террасе.

– Всё нормально? – спросил я Машу.

– Да, как обычно, – сказала она, – убралась. Всё помыла. Мусор выкинула. Тут женщина жила?

– Почему ты так решила? – спросил я.

– Вещи ношенные были, – ответила Маша, – трусики, лифчик. Под кроватью валялись. И волосы белые в углах. Тут давно не мыли, судя по всему.

– Да к жильцу недавно сестра приехала, – подивился я наблюдательности уборщицы, – это её вещи, наверное.

– Не знаю, – ответила Маша, – может, до неё другая была. В ванной вон всё женскими кремами и баночками было заставлено. И стояли они там давно.

– А куда ты баночки дела? – спросил я.

– Выкинула, – ответила Маша, – не надо было?

– Надо, надо, – успокоил я девушку.

Я расплатился с ней и проводил на улицу. Поднялся в квартиру. Вышел на террасу. Облокотился о перила, как днём Гонза. Наискосок от дома переливался огнями рекламы ночной клуб Кокаду. Где раньше работал Михал.

Я вдохнул полной грудью уже немного похолодевший вечерний воздух моего любимого города. Вышел с террасы, а потом и из квартиры. Закрыл дверь. Спустился вниз. Перешёл через улицу.

Около входа в клуб стояла дородная дама в белом халате. Зазывала. Безошибочно определив во мне русского, попыталась завязать разговор.

– Заходи развлечься, морячок, – сказала она мне с одесским акцентом, – не пожалеешь. У нас такие же девки, как везде. Зато цена меньше.

Я обошёл женщину в белом и вошёл в клуб. Вслед мне раздалось что-то про правильный выбор настоящего мужчины.

Короткий коридор выводил на длинную лестницу. В конце её был металлоискатель и скучающий охранник. Увидев меня, он восторженно, натянул дежурную улыбку. Я выложил на стол часы и телефон. Прошёл через рамку. Всё было в порядке.

– 500 крон вступительный взнос в наш клуб, – вдруг громко сказал охранник.

Я вздрогнул от его голоса. Достал деньги, заплатил.

Зашёл в тёмный зал. Играла музыка. Я постоял, привыкая к освещению.

В начале зала был бар с рядом стульев. Где-то посередине этой вереницы стульев сидел смуглый мужчина. За баром, посередине зала, был подиум с шестом. На котором в данный момент кто-то извивался. Вдоль стены по кругу были сделаны углубления со столиками. За ними сидели люди. Мужчины и полуголые девицы.

Я сел за стойку бара. Откуда-то из темноты возникла барменша, одетая только в трусики. Тело её сверкало, осыпанное блёстками. Грудь колыхалась при ходьбе. Она, ни слова не говоря, налила мне в бокал шампанского и поставила передо мной.

– Спасибо, – поблагодарил я.

Девушка ослепительно улыбнулась. Я повернул голову. Сидящий недалеко от меня чёрнявый смотрел на меня. Он был одет в джинсовую рубашку и штаны. Лет ему было что-то около тридцати. На правом запястье наколот громадный паук, сидящий на паутине. Паутина уходила за рукав рубашки.

Чернявый всё так же, почти не мигая, смотрел на меня. Пока я не кивнул. Чернявый кивнул в ответ. Встал. Пошёл в сторону туалета, по пути оглянувшись.

Я встал вслед за странным человеком и пошёл за ним. Зашёл в мужской туалет. Белый кафель. Белый свет. Белые умывальники и ряд дверей в кабинки.

– Чего тебе? – спросил чернявый.

– Кокаина, – ответил я.

– Сколько? – последовал новый вопрос.

Я задумался. Вспомнил, что Гонза говорил про граммы.

– Два грамма, – наконец-то сказал я.

– Восемь тысяч, – глядя мне в лицо, сказал чернявый.

Я достал деньги, отдал своему собеседнику. Тот пересчитал их, аккуратно сложил в карман. Затем зашёл в ближайшую кабинку. Раздался какой-то скрежет. Затем тишина. Примерно минуту. Потом опять скрежет.

Чернявый вышел из кабинки. В руке он держал маленький пакетик с белым порошком внутри. Протянул его мне на открытой ладони. Я взял.

– Спасибо, – сказал я.

– Пожалуйста, – ответил мне чернявый.

Он обошёл меня, вышел из туалета. Я постоял минуту. По спине тёк пот. Мне казалось, что ещё чуть-чуть, и в тесное помещение туалета ворвутся спецназовцы, положат меня на белый кафель и, застегнув наручники, увезут в тюрьму.

Но никто не ворвался. Никто не скручивал мне руки. Лишь где-то в бачке журчала вода. Тихо и успокаивающе.

Я вышел в зал. Чернявый всё так же сидел у стойки бара на своём месте. На шесте извивалась очередная девица.

Я вышел. Охранник в этот момент разговаривал с тремя сильно подвыпившими английскими парнями. Он пытался им объяснить, что за вход в клуб надо заплатить по 500 крон.

Я протиснулся между пахнущими потом и перегаром парнями и вышел на улицу. Тётка в белом широко улыбнулась мне. Меня вновь накрыла волна паники.захотелось немед-

ленно выкинуть пакетик с кокаином и бежать куда глаза глядят.

Я нащупал в кармане этот злосчастный пакет. Рука наткнулась ещё на что-то. Я на секунду замер. Это что-то был пакетик с анашой, который я купил у негра.

Стало трудно дышать. Заболела голова. Ну это же надо быть таким дураком, чтобы носить в кармане марихуану и кокаин. Хоть сейчас сажай в тюрьму с формулировкой – идиот.

Я дошёл до улицы Ечной. Достал телефон. Отстучал Гонзе смс: «Ты не дома? Надо встретиться».

Гонза не стал заморачиваться текстовыми сообщениями. Он позвонил и сказал, что сидит в ресторане На Верандах. И с радостью выпьет со мной пива.

Я доехал до Смихова. По дороге нервничал. Казалось, что меня вот-вот схватят и посадят в тюрьму. До Веранд уже даже не шёл, а почти бежал.

На Верандах, так назывался раньше ресторан при пивном смиховском заводе. В настоящее время он носит название Потрефена Гуса. В честь сети чешских ресторанов. Но старожилы до сих пор зовут его На Верандах.

Гонза сидел в маленьком зале слева от входа и пил пиво. С куриными крылышками.

Я подсел, хлопнул его по плечу. Показал официанту: мне то же самое. Тот кивнул и скрылся на кухне. Я как-то сразу успокоился, увидев Гонзу.

– А ты что здесь? – спросил я его.

– У меня встреча, – ответил он, – с информатором. Через минут сорок. Пока крыльев можем погрызть. Они тут вкусные.

– Раньше были вкуснее, – сказал я.

– Раньше и девки были симпатичнее, – философски заметил Гонза. – Кстати, как там твоя любовь? Цветёт и пахнет?

– Я не по этому поводу, – оторвал я Гонзу.

– А по какому? – спросил он.

Я достал из кармана два пакетика и положил перед приятелем. Тот сощурился, посмотрел на них.

– В одном трава, вижу, – сказал он, – в другом порошок. Чё там?

– Кокаин, два грамма, – выдохнул я, – траву я у негра купил, на Вацлавской площади. Толстый такой. Постоянно на углу стоит, у KFC. А кокаин в Какаду. Там в баре сидит паренёк. У него как магазин. В туалете. С наркотой.

Я оттарабанил всё это и выжидательно уставился на Гонзу.

В Какаду у паренька на руке татуировка паука? – вытирая руки о салфетку, спросил Гонза.

– Да, – кивнул я, – а откуда ты знаешь?

Гонза ловко смахнул мои пакетики с дурью к себе в ладошку и широко улыбнулся подошедшей к нам официантке. Она принесла мне пиво. Вернула Гонзе его улыбку, заинтересованно посмотрела на меня. Пожелала приятного вечера и отошла.

– Она на тебя глаз положила, – сказал Гонза.

– Ты на вопрос ответь, – попросил я товарища.

Мы сдвинули кружки и выпили по первому глотку пива. Которое холодком ухнуло в пустой желудок и разлилось в нём приятной истомой. Гонза пододвинул мои пакетики с наркотой. Которые я немедленно спрятал в карман.

– Зовут твоего паучка Илли, сидит он в Какаду уже лет пять, – глядя в сторону, сказал Гонза, – и негра этого толстого все знают. Только он тебе вряд ли напрямую травку отдавал, наверняка только деньги забрал. Но это уловка для лотов. Посадить и его на раз можно.

Я поперхнулся пивом. Откашлялся. Около столика появилась официантка с порцией моих крылышек. Похлопала меня по спине, услужливо подала салфетку.

Я пригляделся к ней. Лет 35–40. Чёрненькая. Чуть полноватая. Симпатичное круглое лицо.

– Спасибо, – сказал я ей, а когда она отошла, набросился на Гонзу: – Так что же вы не арестуете их? Если уже пять лет всё знаете. Я, посторонний человек, зашёл с улицы и купил кокаин.

– погоди, не спеши, – перебил меня Гонза, – и не ори так. Я всех этих дельцов знаю. И сам их разрабатывал. Но арестовывать я их буду, когда придёт команда сверху. Да и толку от этого ареста? Завтра на месте Илли будет сидеть другой албанец.

– Но надо же что-то делать, – сказал я, – разработать всю

цепочку. Перекрыть каналы поставки.

– Надо, – кивнул мне Гонза, – и наверняка делают. И периодически кого-то сажают в тюрьму. Только не того, кого надо, почему-то. Мелочь. Мне не докладывали, почему в ночном клубе Какаду пятый год подряд сидит Илли и барыжит наркотиками. Я рядовой сотрудник.

Помолчали. Заказали ещё пива.

– А с этим мне что делать? – спросил я, вытащив из кармана два пакетика.

– В унитаз слей, – сказал Гонза, – и больше не покупай никогда. Лучше бы ты на эти деньги пива купил.

И он, достав из кармана ручку и подвинув к себе салфетку, начал вычислять, сколько можно было бы купить кружек пива на потраченные мною деньги.

А я вышел в туалет. Где благополучно избавился от наркотиков и от выпитого пива. Вернулся.

Гонза сидел, склонившись над исписанной салфеткой.

– Математик, хватит считать чужие деньги, – окликнул я его, – больше я такую дурость не сделаю.

– Тут Катка тобой интересовалась, – оторвался от салфетки Гонза, – интересовалась твоим семейным положением.

– Какая Катка и что ты ей сказал? – усаживаясь за стол, спросил я.

– Официантка, которой ты приглянулся, – показав глазами куда-то мне за спину, сказал Гонза, – Катка её зовут. Я ответил, что ты разведён. Ей кто-то сказал, что русские му-

жики в постели бесподобны.

– У меня девушка есть, – усмехнулся я, – так что я не совсем холост.

– А в постели ты как? – улыбнулся Гонза.

– Я на этот вопрос не буду отвечать, – рассмеялся я, – а то ты завидовать будешь.

– Ой, ой, ой, – скривился Гонза, – супермен тут выискался. То-то от тебя уже вторая жена сбегает. Видимо, от переизбытка этого самого.

– Ну, ты знаешь, почему я развёлся, – сказал я, – хватит подкалывать. Не в тему.

– Хорошо. Извини, не буду, – покаянно произнёс Гонза, а потом вдруг крикнул куда-то мне за спину, – ты ему тоже понравилась.

– Прекрати, – зашипел я, – напьётся пива и хулиганит. Мент ещё называется.

Гонза довольно заржал, видя моё смущение. Но очень скоро успокоился. И ещё раз посоветовал не лезть в это дело.

Мы допили пиво. Я доел крылышки. Кивнул на прощание официантке Катке и отправился домой. Шёл и думал о том, что я завтра встречу Злату. И обниму её. И что никакие мне другие женщины не нужны. Пусть даже и моложе.

Но на следующий день Злату я так и не увидел. Я промотался по городу весь день. Около пяти освободился. Позволил один раз на её номер, другой. Телефон отключен или находится вне зоны.

Почему отключен? Почему вне зоны? Мы же договорились. Я же жду её звонка. Но бесцветный металлический голос с издёвкой повторял вновь и вновь: телефон отключен или находится вне зоны действия...

В ожидании, когда телефон Златы включится или войдёт в зону действия, я пропылесосил всю квартиру. Хотя она и была довольно чистой. Вылез на балкон и помыл там полы. Хотел заняться окнами, но понял, что через несколько минут стемнеет, и я ничего не сделаю.

Посмотрел телевизор. Посидел в Фейсбуке. Злата была вне зоны.

Лёг спать. Не спалось. Ворочался, считал верблюдов, вспоминал Злату. Далеко за полночь всё-таки уснул. Снилось мне, что я сижу у себя на кухне и на маленьких весах с гирьками взвешиваю белый порошок. По два грамма. И фасую всё это дело в маленькие пакетики, которые были во вьетнамской квартире.

Проснулся разбитый. Долго приводил себя в порядок.

Позавтракал тем, что приготовил для нас с Златой нака-

нуне. Борщ. Точнее, мой вариант борща. Я подозревал, что оригинал выглядит немного иначе, и вкус у него другой. Но мне мой нравился. Тем более, что сварил я его своими руками первый раз в жизни.

Позвонила знакомая. Сказала, что у неё есть жилец на мою квартиру Вe Смечках. Договорились с ней на просмотр вечером в шесть часов. Потом раздался ещё один звонок. Ещё одни желающие на эту квартиру. На 17.30 просмотр.

Я и не сомневался, что эта квартира быстро сдастся в аренду. Одноушки в центре Праги за адекватную цену улетают, как горячие пирожки. Тут главное – найти нормального арендатора.

Но это уже как в лотерее. Приличная и ухоженная молодая девушка может обернуться любительницей ночных гулянок и жуткой грязнулей в быту. А невзрачный паренёк-студент в застиранном свитере будет жить годами, платить как по часам и содержать квартиру в идеальном порядке. Иногда, раз в год, отвлекая меня смской: а можно ко мне мама приедет на недельку и поживёт со мной?

Тут не угадаешь. Как не угадал я с Михалом. Кто же знал, что он наркоман и суицидник? Но я всегда во всём плохом стараюсь находить хорошее. Если бы не Михал, я бы не познакомился с его сестрой.

Мысли о Злате не давали работать. Мысли о девушке бродили по моей голове и не давали сосредоточиться. Изумрудные глаза Златы запали мне в сердце. А её худенькое моло-

дое тело будоражило воображение.

Я пообедал в центре. Потом съездил в девелоперскую компанию, сходил в банк. И в половине шестого был возле квартиры. Меня уже ждали. Дама в платье моды конца прошлого века и молодой обалдуй с наушниками в ушах. Студент.

Поздоровались. Дал визитку. Поднялись в квартиру. Дама придирчиво осмотрела каждый угол. Попыталась заглянуть на верх шкафа, но я отговорил её становиться ногами на табурет. Слишком он хило выглядел.

Вышли на террасу. Даме она понравилась. Но она всем нравилась, особенно новоприбывшим.

Вернулись в комнату. Студент сидел за столом и копался в айфоне, выбирая музыку. Казалось, его ничего не интересовало. Ни квартира, ни вид из окна.

– Мы подумаем и сообщим вам, – сказала дама, – хотя, если скинете тысячи две, то мы готовы хоть завтра переезжать.

– А у молодого поколения вопросы будут? – спросил я у студента.

– Будут, – откликнулся тот, – какой тут интернет и какая скорость?

– Хорошая, – кивнул я, – UPC, всё летает. А тебе скорость зачем? Гамишься во что-то?

– Танчики, – улыбнулся студент.

На его лице наконец-то появились какие-то чувства. Но его мама нахмурилась. Хотела сказать что-то, но промолчала.

ла.

– Хорошее дело, – похвалил я студента, – главное, чтобы...

Я не успел закончить. Зазвонил телефон. Высветился номер Златы. Я извинился перед дамой с сыном и ответил.

– Вадим, забери меня отсюда, – услышал я знакомый плачущий голос, – пожалуйста.

– Ты где? – спросил я, забыв про то, что хотел отругать девушку за отключенный телефон. – Что случилось? С тобой всё в порядке?

– Я на Флоренце, на автовокзале, перрон 41, – ответила Злата и заплакала, – я отвезла маму и вернулась в Прагу. Мне плохо.

– Сиди на месте и жди меня, – велел я и повесил трубку. Мама и сын выжидательно уставились на меня.

– Извините, – сказал я им, – мне надо срочно ехать.

– Мы вам позвоним, – сказала дама, сделав ударение на втором слоге.

– Конечно, конечно, – заверил я их, – как надумаете, сразу же звоните.

Хотя мысленно вычеркнул студента из будущих квартирантов. Игромания чревата захламлением квартиры. Да и то, что они ищут новое жильё посередине учебного года, намекает, что с прежнего места жительства их выперли.

Я выскочил на улицу. Сел в машину. По дороге на автовокзал позвонил знакомой, извинился и отменил просмотр.

Злату я нашёл на 41 платформе, как она и говорила. Она сидела на скамейке в обнимку с большой полосатой сумкой. И плакала. Я подошёл. Сел рядом. Обнял её.

– Не плачь, – попросил тихо, – я приехал, и всё будет хорошо.

Злата кивнула, шмыгнула носом. Я взял её сумку в одну руку, другой обнял девушку за плечи и повёл её к машине. Вёл и чувствовал, как она дрожит от озноба. Хотя на улице было тепло.

– Что случилось? – спросил её, как только усадил в машину.

– У меня очень болезненные месячные, – стыдливо сказала она и спрятала лицо в ладонях, – очень плохо переношу их с детства. Первые два дня стараюсь лежать. А тут ещё похороны. Мама.

– Понятно, – сказал я, – пристегнись. Сейчас приедем ко мне, сразу ляжешь.

Я завёл машину, и мы поехали. Ко мне. Злата всю дорогу молчала.

– У тебя очень мягкая и тёплая машина, – сказала, когда мы уже подъехали к дому и надо было выходить.

– Спасибо, – ответил я и подал ей руку.

Поднялись в квартиру. Я положил девушку на диван, заботливо прикрыл пледом. Заварил чай. Налил его в стакан. Принёс ей его на подносе с лимоном.

– Есть грязные вещи? – спросил я её и взялся за сумку.

– Не трогай, – метнулась с дивана Злата за сумкой, потом виновато сказала, – там у меня трусики, маечки, женские всякие вещи. Это не для мужчины.

– Вот тебе пакет, клади туда свои женские вещи, я их стираю, – улыбнулся я, – подглядывать не буду. Прокладки у тебя есть?

– Последние остались, – виновато сказала Злата, взяв у меня пустой полиэтиленовый пакет.

– Сейчас куплю, – ответил я, – ты пока грязное бельё мне в пакет сложи.

– Я сама закину, не переживай, – сказала Злата.

Я кивнул. Вышел из комнаты. Обулся. Спустился в гараж. Доехал до ближайшего магазина. Где и купил Злате прокладки, а нам обоим на ужин уже готовые ролы из лосося и риса. Подумал немного и положил в корзину ещё продуктов. Картофель, мясо, крупы, молоко и яйца.

Приехал домой, когда уже стемнело. В ванной убаюкивающе гудела стиральная машинка. Злата лежала на диване и смотрела «Морозко». У меня был диск с этой сказкой. На русском языке.

– Понимаешь что-то? – спросил я её.

– Я эту сказку наизусть знаю, с детства смотрю, – ответила Злата и улыбнулась, – увидела у тебя на полке и включила. Интересно было посмотреть в оригинале.

– Тебе лучше? – спросил я. – Может, в кровать перележешь?

– Нет, – ответила Злата, я лучше на диване останусь. Тут уютно и вид из окна красивый.

– Хорошо, – согласился я, – оставайся.

Потом мы поужинали. После еды Злату сморило, и она уснула. Как раз на финальных титрах «Морозко». Не знаю почему, но чехи обожают этот фильм. И по телевидению крутят его на Новый год. Как у нас «Иронию судьбы».

Я посидел ещё немного около спящей девушки. Выключил телевизор. Убрал посуду с остатками ужина. И потихоньку ушёл к себе в спальню. Где и уснул как убитый.

Проснулся я рано. Осторожно встал. На цыпочках прошёл в туалет. Потом в ванную. Почистил зубы.

Выглянул в большую комнату. Злата спала на животе, раскидав, как обычно, по подушке свои рыжие волосы. На подоконнике стоял футляр для линз. Плед лежал рядом с диваном на полу. Я подошёл, наклонился, чтобы поднять плед.

На спине у Златы, в районе почек, была наколка. Цифры. 1 и 3. Единица на левой половине спины, тройка на правой. И тройка пунктиром очерчена по кругу. Чёрные цифры на белой коже.

И синяки. Два на правом бедре, как будто кто-то хватал её за ногу. И несколько синих пятен на левой руке.

Я аккуратно поднял плед с пола, накрыл Злату. Она застонала, перевернулась на спину. Открыла глаза.

– Доброе утро, – сказал я ей.

– Доброе утро, – ответила она, потирая глаза, – ты меня голой рассматривал, извращенец?

– Это случайно, – смутился я, – у тебя плед упал с дивана. Я не извращенец. Так получилось.

Злата улыбнулась.

– Ты так смешно оправдываешься, – сказала она.

Я окончательно смутился. Принялся приготавливать завтрак. А Злата скрылась в ванной. Откуда вышла минут через

15 умытая и накрашенная.

Сели завтракать. Яичница с беконом, бутерброды с сыром, чай.

– Злата, а что значат цифры на твоей спине? – не выдержал и спросил я.

Злата смутилась. Допила чай.

– Всё-таки ты извращенец, – сверкнула на меня своими зелёными глазами она, – всю рассмотрел. Я болельщица Спарты. Знаешь такой хоккейный клуб?

– Знаю, – подтвердил я, – и даже несколько их матчей видел.

– Ну вот это номер моего любимого игрока, – сказала Злата. – Я на память о нём и сделала тату два года назад. У меня ещё одна татуировка есть.

– Понятно, – протянул я, – а вторая где и что на ней написано?

– Вторая там, – Злата коснулась рукой трусиков, – молодая была, глупая. Паутинки с девчонками накололи на лобках. Дурочки. Я тебе потом покажу. Когда болеть перестану.

И она виновато хихикнула.

– А синяки откуда? – спросил я, решив перевести тему.

– Мама, – коротко ответила Злата, – напилась на похоронах. На людей бросалась. На меня с кулаками накинулась.

И тяжело вздохнула.

– Извини, – сказал я, – если тебя кто-то будет обижать, скажи мне. Я разберусь.

– Хорошо, – сказала Злата.

– Вот и отлично, – бодро вскочил я со стула, – ты доедай и ложись. А я поеду немного денег заработаю. Чтобы было что покушать.

Злата благодарно улыбнулась мне.

Я спустился в гараж и поехал по делам. Настроение было хорошее. В доме у меня ночевала женщина. Маленькая, испуганная женщина. Которая нуждается в защите и заботе. И которую я люблю. По крайней мере, это чувство всё больше и больше охватывало меня. Накрывало так, что останавливалось дыхание. Хотелось всё бросить и быть только рядом с ней. С Златой.

Ближайшие выходные мы провели вместе. Ей стало легче, и мы съездили вначале в Карлштейн, а потом и в Карловы Вары. С ночёвкой.

В Чехии очень много курортов. Практически от всех болезней. Самый известный из них среди русских – это Карловы Вары. Люблю я этот небольшой и красивый город, точнее, его санаторную часть. На периферии это обычные серые панельные дома. А вот вокруг колоннады совсем другое дело. Красивые особняки, лесистые холмы, неторопливые и ленивые туристы. И спокойствие.

Мы остановились в Вилла Риттер. С окнами на храм Петра и Павла. Третий этаж, небольшой уютный номер. Я распаковал чемодан, переоделся. Злата была со своей любимой полосатой сумкой. В которой она носила одежду, косметику,

а иногда и еду. Было трогательно и больно смотреть на то, как она таскает весь свой скarb, который легко помещается в одной только сумке.

Пужинали в отеле. Потом прогулялись по Карловым Вaрам. Где-то играла музыка. Было хорошо и спокойно. Мы шли, взявшись за руки, и молчали.

А о чём нам было говорить? Мы из разных стран, у нас приличная разница в возрасте. Но всё равно нам было хорошо вместе.

Вернулись в отель. Я собрался в бассейн. Надел плавки, халат.

– Я с тобой, – сказала Злата, – ты иди, я тебя догоню.

– А тебе разве можно уже? – спросил я.

– Уже можно, – рассмеялась Злата, – уже всё можно.

После бассейна опять была бессонная ночь. Казалось, что силы никогда не покинут эту хрупкую женщину. Она отваливалась от меня, тяжело дыша, затихала на несколько минут. И потом вновь набрасывалась, ненасытная и желанная.

Проснулся я поздно. Златы не было. Я поплёлся в ванную, чувствуя, как от усталости болит всё тело. Когда плескался в душе, услышал, как хлопнула входная дверь. Через секунду в ванную комнату заглянула Злата. Лицо довольное, улыбающееся.

– Завтракать, – заявила она, – я есть хочу.

– А где ты была? – смывая шампунь, спросил я. – Проснулся, а тебя рядом нет.

– Плавала в бассейне, – ответила она, – он тут хоть и маленький, зато с морской водой. Когда ещё возможность представится?

– Иду, иду, – заторопился я.

Позавтракали. Я сходил в церковь. Злата в это время покормила рыбок в ближайшем пруду.

Пошли гулять по карловарским холмам. Я повёл свою женщину к Оленьему скоку. Мимо памятника Марксу наверх. Злата скакала по дорожке. Я, кряхтя, полз следом. Она смеялась надо мной. Возвращалась. Вновь бежала вверх.

Буквально несколько дней назад она не могла встать из-за месячных с кровати. А вот сейчас носится по горам, как молодая козочка. Я был в хорошей физической форме, но сейчас мне за ней было не угнаться.

Добрались до площадки. Постояли, обнявшись, на беседке, которая возвышалась над городом. Солнце светило в глаза. Пели птицы. Приятный ветерок дул нам в лицо.

– Мне надо уехать, – сказала Злата, – мне мама утром звонила. Когда я в бассейне была. Бумаги какие-то оформить. И помочь ей.

– Надолго? – спросил я, чувствуя, как ухает вниз сердце.

– Дней на пять, максимум на недельку, – виновато ответила Злата.

– Так долго, – протянул я, – целую неделю без тебя.

– Соскучишься, крепче любить будешь, – улыбнулась мне моя Злата.

– Я тебя и так крепко люблю, – ответил я, – крепче некуда.

– Вот и увидим, – закончила Злата наш разговор, – а теперь вниз, я кушать хочу.

Мы спустились. Пообедали во французском ресторане La Marche. На веранде. Было хорошо. Изумительная еда, тихое ворчание речки, любимая женщина рядом. Я сидел на плетённом кресле и наслаждался каждой минутой, каждой секундой этого дня.

И я старался продлить этот день. Не торопясь заказал десерт, потом кофе. Злата вначале сидела смирно, так же, как и я, ловя наши счастливые мгновенья. Но потом начала вертеться и поглядывать на часы. Со стороны она мне напоминала непоседливую озорную девчонку.

– Нам ехать пора, – сказала она, допивая кофе.

– Раз пора, поехали, – согласился я.

Расплатился за обед. Вернулись в отель. Собрали вещи.

Ехали молча. Моя любимая успокоилась и смотрела в окно. По радио крутили старые чешские песни. Злата встрепенулась, когда зазвучала песня Františkovy Lázně. Начала подпевать.

– Хочу на курорт, – сказала она, – но не в Франтишковы Лазне, а на море.

– Хочешь, поедem, – предложил я ей.

– Обязательно, – улыбнулась она, – только сейчас мне надо на автобус. Мы не успеваем за моими вещами заехать. У меня в квартире вторая сумка осталась. Пусть полежит. Там

грязное шмотье. Не трогай его, пожалуйста.

– Твои вещи будут ждать тебя в целости и сохранности, – заверил я её, не переживай.

На Флоренц мы приехали вовремя.

– Не провожай меня, – сказала мне Злата, – я тебе позво-
ню.

Чмокнула в щёку и убежала. А я поехал домой.

Приехал, принял душ, разобрал вещи. Посидел за компьютером, проверил почту. Побродил по сайтам женской одежды. Запутавшись в них окончательно, закрыл крышку ноутбука.

Зазвонил телефон. Хотят посмотреть квартиру. Договорился встретиться через час. Не торопясь попил чай. Переделся. Сел на свой любимый трамвай под номером 9.

Ехал и думал о Злате. О том, как мне хорошо с ней. О её непостоянном и взрывном характере. О её изумительных глазах. Хотя цвет им дают всего лишь линзы.

Доехал до Вацлавака. Поднялся к квартире. Интересующиеся уже ждали меня. Две молодые студентки из Казахстана. Чёрненькая и беленькая.

Показал девчонкам квартиру. О случившемся некоторое время назад происшествии, естественно, умолчал. Поторговались. Поговорили о ценах на жильё, о трудностях изучения чешского языка, о кризисе. Было видно, что квартира им понравилась. Но восточное воспитание не позволяло договориться о проживании, не поторговавшись. В итоге дого-

ворились, что они мне позвонят завтра.

Вышли на улицу. Распрощались. Только сделал пару шагов от подъезда дома, как раздался телефонный звонок. Я остановился. Ответил. Звонил Виктор. Они втроём – он, Гонза и Саша – сидели в винной галерее на Вацлаваке и ждали меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.